

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

УДК 821.161.1

Грибоедова А.В.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

ТЕМА ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. ЭРЕНБУРГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1910-Х – НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. Статья посвящена теме войны в творчестве Ильи Эренбурга второй половины 1910-х – начала 1920-х годов. Исследование проводится на материале военной корреспонденции, поэзии и прозы писателя. В работе рассматриваются художественные взгляды Эренбурга на тему войны в их становлении и творческом росте. Именно Первая мировая война, по мнению писателя, стала одной из причин, обусловивших кризис цивилизации и кризис человека. Война, по Эренбургу, тяжкий грех, обнаживший непрочность бытия и человеческое убожество.

Ключевые слова: русская литература 1920-х годов, тема войны, Первая мировая война, И. Эренбург.

A. Griboedova

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

THE THEME OF WAR IN WORKS OF I. EHRENBURG OF THE SECOND HALF OF THE 1910S - THE BEGINNING OF THE 1920S

Abstract. The article is dedicated to the theme of war in works of I. Ehrenburg of the second half of the 1910s - the beginning of the 1920s. The research is based on the material of military correspondence, poetry and prose works of the writer. The article deals with the artistic views of Ehrenburg on the theme of war in their formation and creative growth. It is the author's opinion that the First World War was one of the reasons for the crisis of civilization and the crisis of a human being. According to this author, war is a grave sin, which has exposed the fragility of life and human misery.

Keywords: Russian literature of the 1920s, the theme of war, the First World War, I. Ehrenburg.

Вместе с началом Первой мировой войны для русской культуры наступила новая эпоха. Война заставила русское общество задуматься над множеством вопросов, но главное – определиться со своим отношением к самому процессу войны. Оказалось, что слово «война» может быть многозначным: его стави-

ли на одну ступень с «очищением» и «перерождением», в нём видели источник вдохновения и новых чувств, а также приравнивали к «убийству» и «жестокости». Война обнулила счётчик эпохи, оставив позади XIX век, завершившийся 1913 годом.

1914 год стал для России годом радикальных перемен – в культурном сознании общества, во взглядах на жизнь и историю. Стоит отметить, что предчувствие этого коренного перелома ощущалось ещё до военных лет, именно оно толкало на рассуждения о назревающем кризисе культуры, побуждало к разговорам об истощении духовных сил человека. Работы отечественных философов и литераторов оказались напитаны апокалиптическими мотивами и ожиданиями перемен – об этом писали А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, Н. Бердяев и другие. Именно поэтому война не была воспринята русской интеллигенцией как неожиданность, она виделась неизбежным исходом, заслуженным, предчувствуемым. Ещё в 1909 году авторы сборника «Вехи» указывали на «страшную духовную язву», разъедающую общество, отмечая, что «героическое “все позволено” незаметно подменяется просто беспринципностью во всем» [2, с. 51]. О предчувствии мировой катастрофы задолго до непосредственных военных действий говорил и Н. Бердяев в статье «Война и возрождение», опубликованной в газете «Утро России»: «Пожар европейской и мировой войны провиденциально неизбежен. <...> Эта небывалая и страшная война была начертана в книге жизни от века веков. Европа давно уже превратилась в огнедышащий вулкан, прикрытый поверхностным и обманчивым покровом мирной

буржуазной жизни» [1, с. 2]. Рассуждал о неизбежности войны и В. Розанов. Автор книги «Война 1914 года и русское возрождение» подчёркивал, что ощущение ожидаемой грозы витало в воздухе до 1914 года: «Среди того смятения, всяких известий, всяких слухов, всяких предположений, какие носятся в воздухе, <...> не нужно выпускать из виду того основного электричества, которое насыщает атмосферу Европы вот уже тридцать лет, и также тех основных ветров, которые нагнали теперешние тучи. Эти ветры тоже не вчера зародились...» [3, с. 25-26].

В творческой биографии Ильи Эренбурга теме войны отведено весьма существенное место. Писатель сумел запечатлеть пугающий лик наступившего века в военной корреспонденции, зафиксировать гримасу грандиозной военной машины в новеллах и романах, выразить меру человеческого горя в стихотворной форме. Известия о начале войны застали Эренбурга в Голландии. Узнав о случившемся, он решил вернуться обратно в Париж. Поддавшись общему иступлённому патриотическому угару, Эренбург записался в армию добровольцем. Однако воевать врачи его не отпустили. Тем не менее оказаться совсем на обочине военных событий писатель не мог: если нельзя было сражаться силой, то можно попытаться это сделать словом. Так возник замысел книги «Стихи о канунах», куда вошли сочинения 1914–1915 гг. Стихотворения сборника охвачены тихим отчаянием, ожиданием приближающейся трагедии. Если попытаться сложить единую сюжетную картину всех сочинений книги, она получится следующая: мужчины и совсем ещё молодые мальчики уходят на

войну, оставляя дома предчувствующих скорую беду жён и матерей. «Стихи о канунах» звучат словно заговор против смерти. Однако зачастую эта сдержанная горькая исповедь перерастает в исступлённые стенания по убитым. Стихотворения отличает отнюдь не воспевание героизма французских или русских солдат, не осуждение жестокости немецких, а безмерная горечь от бессмысленно загубленных жизней. Тема смерти так или иначе присутствует практически во всех сочинениях сборника. «Стихи о канунах» напоминают стихи-причитания по ненужным жертвам, ничего не понимающим «Ванечкам и Петенькам», которые вынуждены уходить воевать.

Особого внимания заслуживает стихотворение «На войну». В нём автор играет на контрасте между обычной будничной жизнью, когда «маленькие дети» пьют по утрам кофе со своими мамашами, и трагической напрасной смертью на войне этих ребят. Стихотворение переполняет негодование и непонимание жертв, принесённых военному Молоху. Это ощущение усиливается повторяющимися отрывистыми вопросами («чад ли? жар ли?») – словно автор настойчиво пытается найти оправдание тому, что «нового Петеньки // больше не будет» [7, с. 182], но никак не может. Мотивом смерти, внезапно ворвавшейся в мирную жизнь, проникнуто и другое стихотворение – «В детской». Взрослые решили повесить над кроватью маленького мальчика, чтобы тот не плакал по утрам, картинку. На этой картинке нарисован лихой улыбающийся казак, который «наскочил своей пикой // на другого чужого солдата» [7, с. 186]. Эренбург подчёркивает, что

смерть для людей стала привычной. Легкость, с которой начали относиться к зверствам, потрясает: реальные события войны многими воспринимаются лишь как «картинки», кровь – как «красная краска».

Не менее значимой в «Стихах о канунах» является тема напрасности свершающихся событий и оттого бессмысленности человеческих жизней. Стоит отметить, что автор рассуждает об этом спокойно и выдержанно – нет излишней экспрессии, нет громких слов. И тихая горечь, переполняющая книгу стихов, ещё больше усиливает ощущение безысходности. В стихотворении «На закате» сцена расстрела даётся как бы между прочим – важен финал. Читатель видит картину убийства как бы глазами ребёнка, всё тут словно не взаправду – «солдатики» и «маленькие пушки»: «На закате / Было особенно душно. / Приходили оловянные солдатики / И стреляли из маленьких пушек. / Старший цедил какую-то шутку. / Дымила трубка. / Дрогнули тела, повалились рядами, / Сокрушённые зорким огнем» [7, с. 182]. Автор сообщает об убийстве как о чём-то обыденном, приевшемся. Для него в этом событии нет значимости, оно напоминает игру. Потому и солдаты называются «оловянными солдатыками» – они игрушечны, их жизни ничего не стоят, они словно пешки в большой игре (приказ – выстрел). И человеческая смерть становится чем-то вроде такой повседневной и простой вещи, как «шутка». Финал стихотворения ещё больше усиливает ощущение бессмысленности происходящего: «А в деревне выла собака, / Вспоминая жильё, / Выла, что что-то было / И что иссякло / Всё» [7, с. 182].

С началом войны жизнь переменялась. Однако, по автору, и то, что было раньше, также не имеет никакого значения. Фраза «что-то было» подчёркивает бесполезность прошлого, истории. Это «что-то» «иссякло», точно так же «иссякнет» и война, продолжив круговорот бесплодной жизни.

События Первой мировой войны оставили след и в публицистике Эренбурга. В ноябре 1915 года он стал парижским корреспондентом московского «Утра России», а спустя полгода (с апреля 1916-го) начал публиковаться в петроградских «Биржевых ведомостях». Писателю удалось подметить характерную особенность Первой мировой войны, отличавшую её от войн прошлого, – её техничность и механистичность. Военные действия были просчитаны и налажены, люди – пересчитаны. Жизнь становилась похожа на слаженное производство – производство не только устройств и конструкций, но даже людей, у которых «под левым карманом жилета бьётся что-то» [4, с. 15]. Даже смерть стала механической: «в окопах сидели люди, они шли в атаку, умирали <...>; эти люди, по большей части хорошие, искренне верили, что защищают родину, свободу, человеческие ценности; но они были крохотными деталями гигантской машины» [4, с. 176]. Человеческие подвиги перестали что-либо значить, главенствующую роль получили новые орудия массового истребления: танки, артиллерия, химическое оружие.

Статьи, вышедшие на страницах «Биржевых ведомостей», легли затем в основу книги «Лик войны» (1920). В ней автор показывает различные, зачастую противоположные «лики

войны», где устрашающие зарисовки с фронта соседствуют с заурядными картинами обыденности. Этим противопоставлением писатель не только подчёркивает многоликость времени, но и указывает, насколько стёрлась грань между разумностью и безумием. Люди свыклись с войной, она стала для них повседневностью: «Война с нами и в нас, но мы не знаем её. Её загадочный лик прикрыт плотным покрывалом. Мы так сжились с ней, так привыкли к безликому скелету, что не замечаем её таинственности» [4, с. 7], – отмечалось на страницах «Лица войны». Однако главные «боевые действия», по словам автора книги, разворачивались в душе каждого отдельного человека. В годы войны обнажился «весь хаос человеческих чувств и помыслов» [4, с. 8], смешались понятия добра и зла. Война, по Эренбургу, тяжкий грех, обнаживший непрочность бытия и человеческое убожество. И в послесловии к книге автор подводит страшный итог, выбирая между смертью и войной первую: «Нет, лучше гроза, лучше уничтоженье, лучше смерть Европы <...>» [4, с. 187].

После стихов и публицистических статей писатель выражал своё непонимание и неприятие войны в других литературных формах. Вслед за поэтическим причитанием и публицистическим натурализмом Эренбург решил обратиться к обличительной прозе. Так возникла идея написать сатирический роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито». На страницах этого произведения писатель показал, что война явилась не только источником страданий для одних, но и источником наживы для других. Эренбург рассказал о «грандиозном хозяйстве,

занятом истреблением людей» [6, с. 190], в романе оно получило название «хозяйство мистера Куля». Сам мистер Куль любит рассуждать о том, насколько война безнравственна, однако при первом же случае пытается на войне разбогатеть: поставляет воюющим боеприпасы, производит снаряды и даже организовывает публичные дома для военных. А когда Хуренито предлагает мистеру Кулю использовать оружие массового уничтожения, тот просит никому о нём не рассказывать: «Ведь, если так просто и легко можно убивать людей – война через две недели закончится и всё моё сложное хозяйство погибнет. А моя родина только ещё собирается воевать» [5, с. 132].

«Необычайные похождения» изобличают войну, обнажают авторскую к ней ненависть. Автор изобразил войну и её восприятие человечеством (в лице учеников Хуренито) сквозь призму гротеска, но это отнюдь не вызывает улыбки – этот приём как нельзя лучше передал, насколько война, кровопролитие и братоубийство абсурдны. Учитель, уже поняв из сообщения об убийстве в Сараево, что будет война, устраивает для своих учеников странный эксперимент: «Он заставил мосье Дэле и Шмидта выпить на брудершафт и при этом неестественно смеяться. Айша <...> должен был показать, как бы он зарезал столовым ножиком Алексея Спиридоновича. Потом он предложил нам застрелить бродячую кошку <...>» [5, с. 106]. Стоит отметить, что Хуренито не только обнаруживает всю мерзость войны, но вместе с тем и видит в ней некое переждающее начало. Он пытается доказать ученикам, что она сослужила и хорошую службу, развернув «гигантскую

мастерскую, где строится новый мир» [5, с. 167].

Эренбург обращался к теме войны и после «Необычайных пождений». Сборник новелл «Тринадцать трубок» словно вторит рассуждениям Хулио Хуренито о влиянии войны на людские жизни. В «Трубках» автор не раз будет указывать на то, что люди стали жестокими и злыми, и причина этого озвучивается прямо – война, где «человеку надо считать не года, а часы» [8, с. 66-67]. Бессмысленность войны автор точно подчёркивает фразой, помещённой в «Четвёртой» новелле: «На ничьей земле не было ни свободы, ни угля – только труха костей и ржавая проволока, но люди хотели во что бы то ни стало овладеть ничьей землей» [8, с. 66]. Война стирает не только настоящие ценности, подменяя значения тех или иных вещей, но и вешает ярлыки – «свой-чужой», «жизнь-смерть» закрывая человеческие характеристики, обезличивая, усредняя: «Это был Петер Дебау, но для Пьера он был просто врагом, как просто – война или просто – смерть» [8, с. 68]. Автор использует приём переклички и параллелей при описании главных героев «Четвёртой» новеллы, солдат Французской республики и Германской империи, столкнувшихся друг с другом на «просто войне» и «просто погибших». Имена персонажей и их жён схожи, даже рифмуются: Пьер-Петер, Жанна-Иоганна. Подчёркивая схожесть своих персонажей, автор пытается донести до читателя мысль о том, что все люди, вне зависимости от национальности или цвета кожи, члены единого человечества с одинаковыми радостями и схожими жизнями.

Встретившись на поле боя, Петер и Пьер понимали, что им придётся драться, что кто-то из них должен будет умереть, а кто-то, возможно, останется жив. «Они лежали друг против друга. Каждый ждал и не хотел начинать» [8, с. 68]. У Пьера во рту оказалась трубка, а Петер, желая закурить, но боясь сделать малейшее движение руками, подал знак ртом. И Пьер его понял – так они раскурили трубку, передавая её зубами друг другу. Но трубка погасла, и им пришлось драться. А потом они вновь замерли и лежали рядом, «только без трубки, мёртвые, на мёртвой и ничьей земле» [8, с. 68]. Солдатская трубка, ставшая на войне «трубкой мира», напомнила о человеческом понимании и взаимовыручке. Когда же она утасла – опять возобновилась война, братоубийство. Рассказчик даёт ёмкое описание этому явлению – «прозябанье людского зерна», и в конце новеллы пытается понять, оправдывает ли что-то такие жертвы? Все истории из «Трубок» неизменно преподносят читателям нравственные уроки, дают моральные советы, предупреждают и вместе с тем поучают. И, читая их, трудно не заметить участие писателя к судьбам своих героев, ведь им, как и ему самому, война ненавистна и чужда.

Война не просто оставила неизгладимый след в творчестве Ильи Эренбурга, она определила взгляды

писателя, сформировала его личность. Начиная с 1914 года, с каждым новым сочинением читатель видел эволюцию его мировоззрения: более острое понимание цивилизации и её кризиса, осознание политических и социальных причин войны. Постепенно, год за годом, абстрактное неприятие войны наполнялось для писателя вполне осязаемым личностным смыслом. И в каждом сочинении всё сильнее чувствовалось, что их автор не может оправдать войну, презирает эту чудовищную мировую бойню.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н. Война и возрождение // Утро России, 1914. – 17 августа. – № 192. – С. 2.
2. Вехи. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Правда, 1991. – 607 с.
3. Розанов В. Война 1914 года и русское возрождение. – Петроград: Т-во А.С. Суворина, 1915. – 236 с.
4. Эренбург И. Лик войны. Издание второе. – Берлин: Геликон, 1923. – 189 с.
5. Эренбург И. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. – М. – Петроград: Государственное издательство, 1923. – 274 с.
6. Эренбург И. Собрание сочинений в девяти томах. – Т. 8. – М.: Гослитиздат, 1966. – 615 с.
7. Эренбург И. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. – 816 с.
8. Эренбург И. Тринадцать трубок. – М.: Новые вехи, 1924. – 229 с.